

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б87

Alexandra Bracken
THE DREADFUL TALE OF PROSPER REDDING

*Печатается с разрешения литературных агентств
Writers House LLC и Synopsis LLC*

Дизайн обложки Ольги Жуковой

Бракен, Александра.

Б87 Жуткая история Проспера Реддинга : [роман] /
А. Бракен ; [пер. с англ. Я. Шешуковой] – Москва :
Издательство АСТ, 2019. – 352 с.

ISBN 978-5-17-113547-8

Проспер Реддинг — обычный двенадцатилетний мальчишка. У него есть сестра-близнец, родители, основавшие благотворительный фонд, и целая куча богатых родственников, а сам он талантливый художник. Но счастливым он себя не чувствует, ведь в школе его считают изгоем, несмотря на богатство и славу семьи, и даже сестра посмеивается над ним.

Однако Проспер и подумать не мог, что ему придется иметь дело с демоном, который триста лет провел в заточении, а теперь в любой момент может вырваться на свободу и отомстить всем Реддингам за грехи их предка.

**УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-113547-8

© Alexandra Bracken, 2017
© Я. Шешукова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Посвящается
клану Гарретт-Гейстер-Бракен*

СЛОВО ДЕМОНА

Зажги свечу и подойди ближе к зеркалу. У нас нет времени, нужно торопиться.

При других обстоятельствах я и не подумал бы смотреть в твою сторону. Но даже я не могу нарушить договор. И если глупость все равно толкает тебя за мной, запомни три вещи, три урока. Их нужно выучить, им придется следовать. Возможно, когда-нибудь от этого будет зависеть твоя жизнь, человек. Тебе решать, как к ним отнестись. У меня нет времени возиться с глупцами.

Первое: никогда не доверяй Реддингам. Эта семейка наврет тебе с три короба, они будут заливаться соловьем и молить о пощаде, пока их лживые языки не отсохнут. Не поддавайся. Заткни уши, закрой глаза, заслонись от их трусливого смрада. Эти люди нарушили договор, написанный кровью. Договор, который они сами заключили, когда испугались за свое богатство. Законы, по которым они живут — это законы глупости. Они тебе не семья.

Слушай и запоминай. Сумерки сгущаются, грядет время. Реддинги скажут тебе, что с ними поступили несправедливо, их не поняли. Они будут называть меня мошенником, подонком и лжецом. Но не забывай: они боялись меня, боялись, даже пока я спал. И тебе тоже стоит бояться.

Второе: ты должен понимать, что я живу по законам мести.

И третье: я могу отнять все, что бы ни дал. И я обязательно это сделаю — с удовольствием. А Реддингам я дал всё.

Глава 1

ДЕНЬ ОСНОВАТЕЛЕЙ

Дело вот в чем. В масштабах жизни или планеты городок Редхуд — всего лишь крошечная песчинка. Или тысячная часть крошечной песчинки. Не пытайтесь найти его на картах, на большинстве из них его нет. Здесь не сожгли ни одной ведьмы, не началось ни одной революции, а пилигримы высадились у скал в двухстах милях отсюда. Считается, что семья, которая основала город, и есть его главная достопримечательность.

Интереснее всего то, что в нас, Реддингах, нет ничего интересного. Конечно, мой прапрапрапрадед *почти* подписал Декларацию независимости, но только почти. У него разболелось горло, и пару дней спустя он умер. Разболелось. Горло. Простите, конечно, но это, наверное, самая дурацкая смерть в истории. И мне кажется, этим «почти» не стоит восхищаться. Вот я бы пришел и сказал родителям, что блестяще написал тест по математике: тройка — это почти пятерка, а разницу всего-то в два балла можно не считать.

В общем, я хочу сказать, что моя семья была в Редхуде всегда, и никуда деваться не собирается.

Наш дом увешан портретами хмурых предков в черных одеяниях и шляпах, и каждый день здесь похож на унылую пьесу про День благодарения. Еще на стенах красуются несколько десятков напыщенных генералов, влиятельных конгрессменов и еще какие-то важные люди. Бабушка любит повторять, что если бы кто-нибудь из нас (в смысле она) решил баллотироваться в президенты, страна бы просто влюбилась (в нее), на одном дыхании отменила «эту нудную демократию» и провозгласила президента Реддинг (бабушку) законным монархом (королевой).

У каждого поколения нашей семьи разные лица, чего не скажешь о лице города. Оно оставалось одним и тем же, ведь на решение любого, даже самого мелкого, вопроса требуются годы, и необходимы постоянные городские собрания с бесконечными голосованиями. Например, когда моя бабушка, мэр города, наконец-то позволила провести здесь нормальный интернет, об этом сразу написали во всех газетах. Не думаю, что до того дня бабушка хоть раз подходила к компьютеру.

Редхуд похож на страницу из старого учебника истории, которая однажды улетела под стол, да так там и осталась. Люди приезжали и уезжали целыми семьями, но потом все равно возвращались. Самое ужасное — здесь всем есть дело до всех, особенно до моей семьи. Такое чувство, что в городе с каждым годом становится все теснее. Поэтому вдвойне странно, что никто не заметил, когда в Редхуде появился незнакомец.

В День Основателей все как обычно, собрались на Главной улице под гирляндами теплых мерцающих фонариков, натянутыми между двумя красными кирпичными домами: Академией имени Пилигрима Реддинга и зданием суда. Все места на ступеньках были заняты соломенными подушками и складными стульями: жители города готовились смотреть Парад свечей. Туристы, забредавшие к нам на знаменитый фестиваль, всегда были слишком зачарованы происходящим и даже не догадывались, что места нужно занимать задолго до заката.

При каждой возможности я стараюсь уехать из Редхуда, но только не в День Основателей, когда город пробуждается от липкого летнего сна и выпускает на волю свою удивительную магию. Все меняется и выглядит иначе: место, обычно унылое, как книжный корешок, превращается в прекрасный лабиринт из стогов сена, венков и гирлянд. Воздух становится прозрачным и сладким, и дышать им — все равно, что кусать только что сорванное яблоко.

Деревья на Главной улице тянутся друг к другу. В темноте октябрьской ночи они похожи на разноцветный фейерверк, а когда светит солнце, их верхушки превращаются в ослепительный золотой купол. Опавшими листьями набивают пугала, которые люди после праздника уносят с собой.

Но лучше всего, конечно, утренний туман, ползущий по улицам. В его легком сиянии все преображается, и город перестает замечать то, что привык считать уродством и мерзостью. Неожиданный порыв холодного ветра пробрался под мой школьный пид-

жак и пролистал страницы блокнота, который я быстро прихлопнул ладонью, чтобы наброски не унесло вместе с шуршащими листьями.

Наверное, стоило заточить карандаш до того, как я вышел из школы. Дети бросали кольца на хвостики тыкв; тыквы были в два раза больше детей. Я пытался нарисовать их лица, но получались лишь мордочки игрушечных троллей. Их родители толпились неподалеку, около полосатой оранжево-белой палатки от кафе «Завтрак пилигрима». В ней продавали пироги и яблочные пончики.

Незнакомец держался отдельно, потягивая глинтвейн. Он вообще стоял на другой стороне улицы, у тележки со сладкими ароматными орехами. Кажется, поэтому я его тогда и заметил. Он был худой как щепка, а если бы я решил нарисовать его лицо, то начал бы с невозможно длинного носа. Когда ему протянули клочок бумаги для праздничного костра, незнакомец усмехнулся.

Он был одет как пилигрим, но в этом не было ничего странного. В Редхуде многие наряжались к Дню Основателей, особенно старики. Мне кажется, им просто нравятся эти шляпы с большими черными пряжками и огромные белые рубашки.

Я посмотрел на его соломенную шляпу с широкими полями, на грязные ботинки с оторванными пряжками. Хорошо, что его не видела бабушка. Вместо бумажки она бы предпочла бросить в костер этого человека. От него она захотела бы избавиться куда сильнее, чем от списка своих неприятностей. Костер — главное событие фестиваля: мы записываем на

листочках свои тяжелые чувства и мысли или темные секреты — все, от чего хотели бы освободиться, и бросаем их в огонь. Во всяком случае, так говорит бабушка. Но мне кажется, большинство людей приходит сюда, чтобы поджарить на костре сморы.

Незнакомец дождался, пока торговец отвернулся к покупателю, и украл горсть орехов. Наверное, почувствовав на себе взгляд, он посмотрел на меня, криво усмехнулся и подмигнул.

«Ну и ладно, — подумал я и вернулся к своим рисункам, но, оказалось, ненадолго. — Черт!» — я подпрыгнул от неожиданности. Кленовый сироп с «Тихого пирожного» капнул на блокнот, а оттуда на штаны. На самом видном месте получилось ужасное пятно. Отлично.

Я вздохнул, затолкал остатки десерта в рот и вырвал испорченную страницу. Час работы превратился в салфетку, которой я смахнул липкие крошки жареного тыквенного листа.

Да, все верно. Одни города славятся яблоками в карамели, другие — шоколадными тортами, а у нас вот жареные тыквенные листья. История такая: давным-давно, очень давно, когда Редхуд еще даже не назывался Редхудом, кучка поселенцев со своими ужасными шляпами и недовольными лицами страдала от череды неурожайных лет. В один особенно плохой год жена основателя города, Онора* Реддинга, смогла собрать только листья с печального погибаю-

* Онор (нопог) — честь (англ.). Здесь и далее прим. переводчика.

щего тыквенного поля. Ее звали Сайленс*, и это имя исчерпывающе объясняло все, что от нее требовалось в жизни. В общем, говорят, она придумала несколько рецептов и своими тыквенными листьями спасла наш новорожденный город от голода. Так поселенцы смогли пережить зиму. По доброй воле, конечно, есть тыквенные листья никто не будет, если только он не умирает с голоду. Поэтому мы их жарим, поливаем медом, кленовым сиропом или шоколадом и нанизываем на палочку. Этот десерт назвали «Тихим пирожным» в ее честь, а муж, которого, собственно, и звали Честь, присвоил себе почти все остальные ее достижения.

Услышав бой башенных часов, я посмотрел вверх, лихорадочно проверяя время: что, уже пять?!

Я залез на скамейку и стал всматриваться в толпу, пытаюсь разглядеть лица и шляпы тех, кто начинал зажигать тысячи свечей, чтобы пустить их на воду, а может быть, отдать школьному хору, который будет петь на параде. Прю утасили ее школьные подружки. Все они были в форме: темно-синих пиджаках и клетчатых юбках. Когда я понял, что слишком увлекся своими дурацкими рисунками и совершенно выпустил ее из виду, сердце некоторое время пыталось выскочить у меня из груди.

Но я увидел их около лабиринта из стогов. Спрыгнув, я кинулся к ней через очередь туристов, которые ждали, когда им дадут раскрасить тыкву.

Камерный оркестр в белой беседке исполнял музыку какого-то мертвого композитора, над ними ви-

* Сайленс (silence) — тишина (англ.).

сел плакат, поздравлявший всех с тем, что городу исполнилось триста двадцать пять лет. Как только музыка закончилась, и все заплодировали, зажглись черные металлические уличные фонари. Я споткнулся об одну из светящихся тыков, которыми был украшен тротуар.

Вот черт. Придется бежать.

Я проталкивался через толпу у беседки, прокладывая себе путь через море локтей и детских колясок.

— Смотри, куда...

— Эй!

Я ни на кого не обращал внимания. Пока чья-то огромная рука не схватила меня за шею, дернув назад так, что я уронил сумку. Одной секунды было достаточно, чтобы понять, чья это рука. От мистера Викворта пахло лимоном и маркерами для доски. В желудке у меня зашевелился змеинный клубок.

— Мистер Реддинг. Извольте объяснить причину вашего непристойного поведения.

Вы когда-нибудь слышали, чтобы человек кудахтал? Я вот раньше не слышал. Пока мистер Генри Викворт не заметил, что я заснул на уроке английского в первый же день в новой школе. Его лицо тогда приобрело фиолетовый оттенок, какого в природе не бывает, а я вместе со всем остальным классом прослушал лекцию об уважительном отношении и грубости. О различии этих понятий мне в тот же день после уроков пришлось писать эссе.

Да, меня наказали в первый же день в новой школе. Но этим не кончилось: Викворт оставлял меня после уроков каждый день в течение всей первой не-